

С. Г. Осьмачко

Русская православная церковь в 1990–2000-х гг.: деятельность в местах лишения свободы

В статье рассмотрены основные проблемы взаимодействия Русской православной церкви с инстанциями ФСИН РФ; дана оценка положительных и негативных факторов религиозного проникновения в данную силовую структуру: проанализировано институциональное и идейно-теоретическое становление совместной религиозно-государственной деятельности, решение кадровых, методических и прочих задач.

Ключевые слова: РПЦ, ФСИН, православие, военные священники, религиозность заключенных, вероисповедная политика, свобода совести, религиозные права верующих.

S. G. Osmachko

The Russian Orthodox Church in the 1990–2000-s: Activity in Places of Imprisonment

In the article the main problems of interaction of the Russian Orthodox Church with FSIN institutions of the Russian Federation are regarded; the assessment of positive and negative factors of religious penetration into this power structure is given: institutional and ideological and theoretical formation of the joint religious-state activity, the solution of personnel, methodical and other tasks are analysed.

Keywords: the Russian Orthodox Church, FSIN, Orthodoxy, military priests, religiousness of prisoners, religious policy, freedom of worship, religious rights of believers.

Одним из важнейших показателей религиозности заключенных официально принято считать количество храмов и религиозных общин в местах лишения свободы. Приводимые данные иногда существенно различаются между собой:

– в 2000 г. в местах лишения свободы имелось около 100 православных храмов и 670 молельных комнат, то есть каждая пятая колония и тюрьма имели религиозное представительство такого рода [10, с. 7];

– в начале 2002 г. православные общины охватывали около 3 % всех осужденных; в системе исполнения наказаний имелось более 300 храмов, более 600 молельных комнат; на территории 37 регионов РФ в колониях действовали 93 воскресные школы (4,5 тыс. осужденных) и 34 библейских курсов (более 2 тыс. осужденных), то есть данное представительство охватывало около 10 % учреждений исполнения наказаний [8, с. 237–238];

– по данным Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции РФ, в начале 2003 г. общее число верующих всех конфессий не превышало 2,5 % от общего числа заключенных; в системе действовали 623 православных общины (объединяли 33310 заключенных),

имелось 400 действующих и строящихся храмов, часовен, домовых церквей и 493 молитвенных комнаты [4, с. 300];

– в 2004 г. на территории исправительных учреждений действовало 329 храмов и 499 молитвенных комнат [1, с. 30];

– в 2005 г. в пенитенциарных учреждениях РФ имелось 360 храмов (строилось еще 72), действовало более 500 молельных комнат; создано более 600 религиозных общин (объединяли 12,5 тыс. верующих заключенных) и 375 воскресных школ (4,5 тыс. заключенных) [11, с. 75–76];

– в 2010 г. в исправительных учреждениях ФСИН имелся 471 тюремный храм; православные общины объединяли 73117 заключенных; в 265 воскресных школах обучалось более 11 тыс. осужденных [6, с. 27].

Таким образом, количественные показатели религиозной жизни заключенных убедительно свидетельствуют и о тенденции роста, и о тенденции стабилизации.

Развитие организационных форм сотрудничества:

– в 1989 г. а) была разработана специальная программа социальной переориентации исправительно-трудовой системы, в которой, в частно-

сти, предусматривалось «обеспечить реализацию гарантий свободы совести осужденных, предусмотреть возможность приглашения служителей культа для отправления обрядов, исповеди, бракосочетания, крещения, отпевания и т. п., приобретения отдельных видов религиозной атрибутики, получения индивидуальных консультаций»; б) увидел свет приказ министра внутренних дел РФ № 250, который утвердил «Рекомендации по взаимоотношениям исправительно-трудовых учреждений с религиозными организациями и служителями культов»;

– в 1992 г. в Исправительно-трудовой кодекс РФ была внесена новая статья – «Обеспечение свободы совести заключенных»;

– в марте 1994 г. РПЦ и МВД РФ подписали совместный документ о координации действий;

– в 1995 г. определением Священного Синода был сформирован Отдел по взаимодействию с ВС и правоохранительными учреждениями (в 2009 г. было принято принципиальное решение, а в 2010 г. сформирован самостоятельный Синодальный отдел по тюремному служению) [9, с. 7–9];

– в 1997 г. был введен Уголовно-исполнительный кодекс РФ, в котором провозглашалась и такая цель, как «исправление осужденных», в том числе и путем восстановления у них утраченных социальных ориентиров и социально значимых навыков правомерного поведения. В ст. 17 этого документа говорилось: «Осужденным гарантируется свобода совести и свобода вероисповеданий ... К осужденным к аресту или лишению свободы по их просьбе приглашаются священнослужители. В учреждениях, исполняющих наказания, осужденным разрешается исполнение религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой».

21 декабря 1999 г. (в связи с переходом уголовно-исполнительной системы в Министерство юстиции РФ) министерство заключило с РПЦ соглашение о сотрудничестве; в качестве его основных направлений назвались следующие:

– формирование тюремных библиотек, в том числе с литературой духовного содержания;

– использование СМИ (подготовка и трансляция специальных передач);

– переписка с осужденными;

– развитие системы храмов и молитвенных комнат;

– координация работы с осужденными на общероссийском уровне;

– гуманитарная помощь (сбор непортящихся продуктов питания, медикаментов, санитарно-

гигиенических материалов, медицинского оборудования);

– создание пунктов юридической помощи;

– душепопечение (морально-психологическая разгрузка);

– работа с сотрудниками [8, с. 228–230];

в 2000 г. была утверждена «Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы», в которой сотрудникам предлагалось налаживать сотрудничество с религиозными организациями [5, с. 107];

весной 2010 г. ФСИН начала осуществлять пилотный проект (в 16 учреждениях четырех регионов РФ) по внедрению священнослужителей в работу исправительных учреждений на штатной основе [6, с. 27].

22 февраля 2011 г. между РПЦ и ФСИН подписано очередное Соглашение о сотрудничестве. Патриарх Кирилл заявил, что «в настоящий момент мы переходим к очень важному этапу – к образованию корпуса духовенства, призванного иметь в качестве своей главной пастырской обязанности попечение о заключенных». В ответном слове тогдашний директор ФСИН А. А. Реймер не только высоко оценил работу священников в местах заключения, но и выразил надежду, что РПЦ окажет службе содействие в реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы, принятой Правительством РФ в 2010 г. В Соглашении назывались следующие цели сотрудничества:

1) удовлетворение духовных потребностей работников уголовно-исполнительной системы и членов их семей, курсантов образовательных учреждений ФСИН РФ;

2) обеспечение конституционных прав на свободу совести, свободы вероисповедания, духовное окормление, духовное образование и духовно-нравственное просвещение лиц, осужденных к лишению свободы, и лиц, заключенных под стражу [3, с. 7].

Выделим несколько противоречий, имеющих место во взаимоотношениях РПЦ и ФСИН. Во-первых, наблюдается определенное несоответствие понимания целей и задач религиозного проникновения в места лишения свободы. Руководство соответствующих учреждений приветствует появление священников в их стенах, так как с помощью веры надеются разрешить проблемы перевоспитания, дисциплины и пр. То, что для

церковников является результатом их работы (смягчение, умиротворение, духовное попечение и пр.), для управленцев ФСИН является целью. В понимании многих из них, «православный священник является политработником нового типа», а строительство храма близко в понимании к обустройству территории зоны и усовершенствованию наглядной агитации. Значит, и священнослужитель – новое звено в системе (в данном случае) идейно-религиозно-режимной мобилизации, что понимается в колонии как главная задача [4, с. 301–302].

Во-вторых, пока на уровне противоречия существует кадровая проблема. В данном случае следует вспомнить свойственную и ВС острую нехватку профессионально подготовленных специалистов воспитательной работы. Из-за этого «социально-реабилитационная работа с осужденными в местах лишения свободы проводится не в полном объеме. В создавшихся условиях дефицита социально-педагогической деятельности в пенитенциарных учреждениях приоритетным направлением стало участие в воспитательной работе с осужденными творческих, религиозных и общественных организаций» [2, с. 94].

В-третьих, в местах лишения свободы остро стоит противоречие между организованными коллективными формами религиозного участия и индивидуальными актами веры. Администрация колоний стремится придать богослужениям максимально воспитательный характер (например, обеспечить максимальное присутствие, максимальный охват и пр.), что обязательно предполагает управляемый порядок религиозной жизни. Привлекаемые к подобным мероприятиям заключенные (часто вполне на добровольной основе), увы, не могут не ощущать пагубности «церемониального и протокольного отношения к ним» церкви; под давлением внешне управляемой религиозности они утрачивают индивидуальные смыслы религиозного приобщения [5, с. 108].

Наконец, в-четвертых, явно обозначилось противоречие между особо широкой для православия социальной базой среди заключенных колоний и качеством предоставляемой им социальной помощи. Это, как и все вышеперечисленное, делает РПЦ особо уязвимой для конкуренции среди других конфессий. Деятельность РПЦ в местах лишения свободы «возведением силами заключенных храмов или часовен, в то время как иные конфессии (прежде всего, протестанты) ведут активную благотворительную работу и

пропаганду своей веры. Соперничество со стороны иноверцев побуждает представителей церковных структур обращаться за помощью к государственным властям» [7, с. 68].

Не случайно РПЦ постоянно апеллирует к властным инстанциям всех уровней, требуя льгот и преференций, а также помощи в борьбе с инославием и иноверцами.

Думается, что религиозное присутствие в местах лишения свободы имеет значительный положительный потенциал, который, прежде всего, связан с проблемой улучшения характера взаимоотношений в среде этого специфического контингента. На сегодняшний день организационно-административные факторы представлены и действуют в этой сфере значительно более полно, нежели собственно религиозные и духовные. Профессионализация же присутствия священнослужителей в местах лишения свободы, как и в ВС, приостановлена.

Библиографический список

1. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия П на Архиерейском Соборе 2004 г. [Текст] / Алексий П, патриарх // Журнал Московской патриархии. – 2004. – № 10. – С. 30–70.
2. Дьяконов, Б. Социально-педагогическая адаптация осужденных средствами христианских конфессий [Текст] / Б. Дьяконов // Социальная педагогика. – 2005. – № 2. – С. 92–95.
3. Журнал Московской патриархии. – 2011. – № 4. – С. 7.
4. Митрохин, Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы [Текст] / Н. Митрохин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 648 с.
5. Новикова, А. Заметки о тюремной религиозности [Текст] / А. Новикова // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 4. – С. 105–111.
6. Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви состоялся 2 февраля в Москве [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2011. – № 3. – С. 6–38.
7. Полунов, А. Ю. Русская Православная церковь как субъект межсекторного социального взаимодействия в современной России [Текст] / А. Ю. Полунов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2005. – № 7. – С. 61–73.
8. Православное просвещение в местах лишения свободы: заседание X Международных Рождественских чтений [Текст] // Безопасность Евразии. – 2002. – № 2. – С. 226–271.
9. Рагоза, В. «Жизнь положить за друзей своих». Русская православная церковь и безопасность государства: история и современность [Текст] / В. Рагоза

за // История. (Приложение к газете «Первое сентября»). – 2003. – 1–7 августа. – № 29. – С. 1–9.

10. Сафронов, С. Г. Русская православная церковь в конце XX века: территориальный аспект [Текст] / С. Г. Сафронов. – М.: Московский центр Карнеги, 2001. – 100 с.

11. Чайка, Ю. Взаимоотношения Русской Православной церкви с Министерством юстиции РФ [Текст] / Ю. Чайка // Журнал Московской патриархии. 2005. – № 7. – С. 74–77.

Bibliograficheskij spisok

1. Doklad Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya P na Arkhierejskom Sobore 2004 g. [Tekst] / Aleksij P, patriarkh // ZHurnal Moskovskoj patriarkhii. – 2004. – № 10. – С. 30–70.

2. D'yakov, B. Sotsial'no-pedagogicheskaya adaptatsiya osuzhdennykh sredstvami khristianskikh konfessij [Tekst] / B. D'yakov // Sotsial'naya pedagogika. – 2005. – № 2. – С. 92–95.

3. ZHurnal Moskovskoj patriarkhii. – 2011. – № 4. – С. 7.

4. Mitrokhin, N. Russkaya pravoslavnaya tserkov': sovremennoe sostoyanie i aktual'nye problemy [Tekst] / N. Mitrokhin. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – 648 s.

5. Novikova, A. Zametki o tyuremnoj religioznosti [Tekst] / A. Novikova // Neprikosnovennyj zapas. – 2004. – № 4. – С. 105–111.

6. Osvyashhennyj Arkhierejskij Sobor Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi sostoyalsya 2 fevralya v Moskve [Tekst] // ZHurnal Moskovskoj patriarkhii. – 2011. – № 3. – С. 6–38.

7. Polunov, A. YU. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' kak sub"ekt mezhsektornogo sotsial'nogo vzaimodejstviya v sovremennoj Rossii [Tekst] / A. YU. Polunov // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). – 2005. – № 7. – С. 61–73.

8. Pravoslavnoe prosveshhenie v mestakh lisheniya svobody: zasedanie KH Mezhdunarodnykh Rozhdestvenskikh chtenij [Tekst] // Bezopasnost' Evrazii. – 2002. – № 2. – С. 226–271.

9. Ragoza, V. «ZHizn' polozhit' za druzej svoikh». Russkaya pravoslavnaya tserkov' i bezopasnost' gosudarstva: istoriya i sovremennost' [Tekst] / V. Ragoza // Istoriya. (Prilozhenie k gazete «Pervoe sentyabrya»). – 2003. – 1–7 avgusta. – № 29. – С. 1–9.

10. Safronov, S. G. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v kontse KHKH veka: territorial'nyj aspekt [Tekst] / S. G. Safronov. – М.: Moskovskij tsentr Karnegi, 2001. – 100 s.

11. CHajka, YU. Vzaimootnosheniya Russkoj Pravoslavnoj tserkvi s Ministerstvom yustitsii RF [Tekst] / YU. CHajka // ZHurnal Moskovskoj patriarkhii. 2005. – № 7. – С. 74–77.